

СОБАЧИЙ АНГЕЛ

Рассказ

Таня не любила Пермь за суету и шум, одновременно с этим – серость. Особенно свой район Водники. Там жизнь как будто бы остановилась: люди жили в деревянных бараках, построенных в 30-х годах для работников камского речного пароходства. Танин дедушка так и получил тут душку с печным отоплением. Когда из администрации пришли люди и сказали – будем расселять, семья Тани первой поставила нужные подписи. Все, кроме деда. Тот послал всех к лешему и никуда из своей заработанной квартиры в доме, который едва держался на пяти досках, выезжать не собирался.

Больше всех переезда ждала Таня, потому что боялась соседа, которого за любовь к дворовым собакам прозвали Бобка. Старик-пьяница, и зимой и летом ходивший в черной шубе на голое тело, пугал ее в темном подъезде, хватал за руки, плевался. Таня жаловалась на него родителям и деду, но те махнули рукой – мало ли кто твой сосед, надо жить со всеми мирно. Ну не любит человек детей, что поделать? Он войну прошел, уважать надо. А старик кидал из окна бутылки, пьяный носился за детьми с топором. Однажды на глазах у Тани порубил ее единственную куклу – по всему двору валялись части ее резинового тельца.

Таня проревела всю ночь, а потом придумала.

У Бобки была прикормленная собачонка, уличная дворняжка Кузя. Единственное существо, которое старик обожал так, что когда спускал всю пенсию на алкоголь, то на сдачу брал для Кузи сосиски. И других дворняг угощал. Таня решила, что раз старик украл у нее куклу, то она поступит точно так же с тем, кого он любит. Подкараулила Кузю, завязала на ему шею поясок от мамкиного халата, потащила к реке. Дотянула собачонку до середины моста, привязала – как читала в книжке – кирпич и столкнула в воду. Хлопнуло, пошли круги... И стихло, будто и не было ничего.

Старик искал свою собаку неделю, а потом с горя помер.

Когда во дворе с ним попрощались, вышли из кустов бездомные собаки, штук десять, а то и больше, Таня перепугалась и спряталась за мать. Собаки смотрели, как гроб кладут в грузовик, а потом тихо пошли за людьми – покойников провожали тогда всем двором – до самого поворота на кладбище, и никто не думал их прогнать. Помнили, что Бобка любил собак больше людей.

В новенькую семиэтажку семья Тани перебралась после смерти деда – в точности, как тот и говорил. После она школы поступила в медицинский, мечтала об ординатуре в Москве. Отец пил по-черному, мать была занята двумя младшими близнецами. Находиться дома было невыносимо, и Таня перебралась в общагу. Комнатка четыре шага в длину, две деревянные кровати, две тумбочки, один стол и один стул – предполагалось его делить с соседкой Олечкой из Березников.

Анна Безукладникова родилась в 1987 году в г. Кудымкаре Пермского края. Участница литературного клуба «Конь текста». Выпускница литературных курсов Vard, CWS. Публиковалась в журналах «Знамя», «Юность», «Сибирские огни», «Пашня». Живет в Москве.

Туалет и душ – на этаже. У кого-то висел и маленький телевизор, можно было приходиться и смотреть, но даже он не делал комнату уютнее – баловство для богатеньких. Но Тане в общаге было лучше, чем дома – так и жила, подрабатывая по вечерам простыми работами в больнице. Там и познакомилась с кудымкарским Васей, проходившим там практику, веселым и добрым парнем. Начали встречаться, и в конце осени поехали знакомиться с его матерью.

Таня влюбилась в Кудымкар – тихий, спокойный город. И не нужна ей никакая Москва – зачем? Кто она там будет? Пылинка. А у Васи мать – заботливая, улыбчивая женщина – работала в местной поликлинике, значит сможет помочь обоим с работой. «А на Рождество-то приезжайте, встретим всей семьей», – велела она, и Таня расцвела. Хорошо, когда есть такая семья. Такая мать, о какой ей всю жизнь мечталось.

Январь молодым сквозняком вырвался из ледяного городка на кудымкарской площади, покрутился возле елки – скучно! И сбил со всего маху снежную шапку каменному Ильичу. Жаль, никто не заметил его шалости – время было позднее, люди уже весело отгуляли и пьяные разошлись по своим квартирам, погреться и с семьями встретить Рождество.

Снежно вздохнув, январь метнулся в сторону домов. В окнах мелькали гирлянды. Первый подъезд, никаких тебе домофонов – заходи кто хочет, добро пожаловать! Январь побежал по лестнице, устоялся на дерматиновую дверь, в центре нее медный ромбик – «1». Январю нравились единицы, он втиснулся в щель под дверь и попал в прихожую, обитую драным кошками пенопластом. По полу прокрался в комнату, а там сидели за праздничным столом: Таня и Вася, его мать, его бабка, его старший брат с женой, тетка с мужем, их десятилетняя дочь и сосед-гармонист.

Вася был разгоряченный, радостный, пьяный. Таня им любовалась. И столом огромным, размером с город: домашнее пиво, пельмени со щукой, картофельные шаньги, чернянь – рыбный пирог, квашеная с клюквой капуста, юрок вильотны – варево из свиных голов и ног. Его съели первым, и оставшиеся кости мать Васи сложила в мешочек и понесла на улицу.

– Обряд такой, – шепнул Вася. – Мать верит, что собачьи ангелы эти кости жрут и собакам дают, чтобы те сторожили двор. Обычно в деревнях у нас так делают на Рождество, чтобы в доме был порядок, и скотина хорошо жила.

– Первый раз слышу.

– Но-о. А если собаку-то обидеть, накажут по-своему как-то...

Телевизор надоел – выключили, и заиграл гармонист. Задорно, весело. Таня положила себе в тарелку рыбного пирога. Смеясь над тем, как Вася танцует под гармонь, откусила кусок, начала жевать и вдруг поперхнулась – кость встала в горле. Из глаз потекло, дышать стало невмоготу, а люди вокруг не могли понять, что ей стало плохо, думали, видимо, что над Васей хохочет до слез.

Таня кашлянула, еще раз, глаза выпучила – и упала под стол.

– Кто пирог сготовил? Мать, ты? – кричал и бился в истерике бедный Вася, и держали его двое мужиков, чтобы он не наделал еще большей беды. Мать причитала и охала, сосед отложил гармонь:

– Скорую, что ли? Или уже кого?

Таня будто бы и слышала голоса, но уже ничего поделать не могла – вытянуло ее из тела через левую ноздрю в открытую форточку и понесло по ветру, вдоль дороги Кудымкар – Пермь. На повороте встретила своего деда, тот грозил ей пальцем и велел возвращаться в дом, на месте которого уже давно было пепелище. А там... Показалось, что ли? Будто носилась по берегу собачонка с пояском на шее.

Таня метнулась прочь и направилась к своим, с трудом нашла улицу и нужный дом – сверху тяжело было понять, никогда не видела город так, как видят его птицы. Подлетела к кухонному окну. Прислушалась: близнецы кричали и отбирали друг у друга леденец, отец говорил матери, что хорошо, что избавились от Таньки, все равно она ему не родная. Мать закусывала водку соленым огурцом и пустыми глазами посмотрела в окно – увидела ли она дочь? Или только голубя, который врзался в стекло, да и слетел прочь.

Таня вернулась. Заметалась по ночному морозному Кудымкару, опасно облетая других таких же – души залетали в форточки гадающим, вступали с ними в разговоры. Захотелось и Тане поиграть с живыми, но сначала надо было к Васе. Утешить его, попрощаться по-хорошему.

Окна были зашторены, света нет. Таня спустилась к подъезду, а в дверном проеме встал костматый старик в черной шубе на голое тело, и не пускает. Обгладывает какие-то кости, ухмыляется. Таня в нем узнала соседа-пьяницу, чью собачку она в детстве утопила. Какие-то веселые люди вышли из подъезда сквозь старика. Бобка злобно зыркнул на Таню, дунул на нее гнилью и смрадом так, что помутнело у нее в глазах. Начала она сжиматься, уменьшаться в размерах до тех пор, пока не стала меньше стариковского кулака. Схватил Бобка ее жирными от костей пальцами и положил в карман.

Январь, успокаивая нервы, раздувал над улицами пушистый снег, и случайные прохожие доставали смартфоны, чтобы его сфотографировать, шепча друг другу: «Смотри, как падает под фонарем красиво», но на снимках все смазывалось и приходилось любоваться вживую. Взрывались во дворах петарды, в темноте гремели огромные сверкающие шары, от которых разлетались розовые и зеленые брызги.

В это время за гаражами в груди старого тряпья, чуть вздрагивая, но не решаясь искать другое место, разродилась дворовая Жучка. Щенков вышло пять, и последним вылез шестой – хиленький. Между лап – перепонки, светлая шерстка в слизи и крови. Бобка – собачий ангел оказался рядом: ласково потрепал уставшую Жучку, накормил ее костью, полюбовался щенками. Шестой не пищал и не шевелился. Взял старик из кармана Танину душу, и через кулак вдул в пасть последнего дыша.

Таня всхлипнула, вдохнула, еще раз и еще. Ей хотелось есть, темнота окружала ее, но была понятна и уютна. Таня знала, что рядом – та, с кем ей наконец-то будет безопасно и тепло, та – кто защитит и накормит. Запах молока. Запах матери.

***

Она любила рыбу.

Хороша была щука, с её гладкой, серебристо-зелёной чешуёй, переливающейся на солнце. Её мясо было белым и сладким. Рыба – нежность, рыба – сила, рыба – мать всех рыб. А каков окуны! Окуньки блестели в Иньве как драгоценные камни – поменьше щуки, но мяско у них такое же белое и нежное, косточки мягкие и безобидные. Вкус окуньков был сладковатым и свежим, словно сама река наполняла Таньку своей силой.

Караси были плотнее и землястее. Карась – крепок, маслянист и тягуч. Карась хрустит на зубах, он не так-то прост. Кости его острые. Человеком Танька умерла от карася, но простила его – или, точнее говоря, не так. Прошлое не оставило следов в ее собачьем разуме, который перестроился и стал понимать жизнь иначе.

Июнь раздувал прибрежную траву, словно гладил по шерсти огромную зеленую собаку. Рыбаки ловили хрустящего карася. По деревянному тротуару к мосту шла старуха в черном, злая как черт. Шла, прижимая к себе котомку с купленным с пенсии пшеном, мимо развалившейся на разогретых солнцем досках Таньки. Видимо, помешала она старухе, взяла она и пнула собаку под бок. Танька взвизгнула и показала старухе зубы – крепкие, еще молодые, но ввязываться не стала. Пошла прочь, вынюхивая куда бы пристроиться, и вдруг потянул ее знакомый запах.

Бобка ждал ее на берегу, словно какой-то розыгрыш. А, нет – правда он.

Танька прижала уши, опустила хвост.

– Иди сюда, иди.

Он похлопал по траве рядом с собой. Его черная шуба пахла материнским молоком и вареной щукой. Хороший запах. Танька устроилась рядом с ним и обиженно смотрела на старуху в черном, которая набросилась с руганью на какую-то девчонку.

– Как собака, – подумалось Таньке.

– Да хуже, – сказал Бобка и шепнул июню что-то в ласковое ухо.

Поднявшийся из травы ветер погнался вслед за старухой и задрал ей юбку так, что рыбакам стало видно ее исподнее, вырвал из рук котомку и бросил в реку. Ушла на дно котомка, вывалилось из нее пшено, и в речной глубине два карася благодарили рыбьего ангела за посланное с небес чудо.